

ИССЛЕДОВАНИЯ

Б. Е. Винер

К ПОСТРОЕНИЮ КАЧЕСТВЕННОЙ РЕГРЕССИОННОЙ МОДЕЛИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Введение

На протяжении последних десятилетий социологи и этнологи значительное внимание уделяют изучению этнической самоидентификации и идентичности. В теоретических построениях, лежащих в основе данного исследования, автор исходит из того, что этническая самоидентификация — это, с одной стороны, маркер, указывающий, на принадлежность человека к определенной этнической группе, а с другой стороны, процесс отождествления себя с этой группой. В настоящей работе этническая самоидентификация рассматривается лишь в своем первом значении, что соответствует подходу бристольской школы психологии к данному понятию [1]. Этническая идентичность включает в себя весь набор представлений человека о своем этносе, а также чувства и намерения, связанные с этими представлениями. Этническая самоидентификация входит в этническую идентичность и является ее ядром. Смена этнической самоидентификации ведет к перемене этнической идентичности даже в том случае, если какие-то прежние ее компоненты остались неизменными.

Главные вопросы, рассматриваемые в данной работе:

1. Существуют ли различия в моделях изменения этнической самоидентификации у разных этнических групп?
2. Существуют ли различия в этнической самоидентификации у людей этнически смешанного и несмешанного происхождения? **

В качестве объектов исследования взяты представители нескольких крупных этнических меньшинств (украинцы, белорусы и евреи), а также люди смешанного происхождения, проживавшие в Петербурге/Ленинграде в начале 1990-х гг.

Изучение изменения этнической идентичности и этнической самоидентификации как ее составляющей и в СССР, и за рубежом началось после второй мировой войны. В Советском Союзе начало этому процессу положили, прежде всего,

*Первоначальная версия данной работы была защищена автором в качестве тезисов на соискание степени магистра искусств в Университете Техаса в Остине. Автор выражает благодарность Марине Коган за помощь в проведении опроса в Петербурге, профессорам Университета Техаса Кристоферу Эллисону и Синтии Бакли, а также Тимоти О'Кифу за помощь и ценные комментарии при подготовке текста тезисов.

** Конечно, о смешанном или несмешанном происхождении респондентов можно говорить лишь условно. Общеизвестно, что все этнические группы Европы на протяжении нескольких тысячелетий формировались благодаря смешению с другими группами.

Винер Борис Ефимович (р. 1959) — Санкт-Петербургский филиал Института социологии РАН. Магистр искусств.

Адрес: 198031, Петербург, Московский пр., д. 4, кв. 14. Дом. тел. 310-1735.

198005, Петербург, 7-я Красноармейская, д. 25/14, Институт социологии РАН. Раб. тел. (812)112-6704.

исследования П. И. Кушнера [2, с. 69]. Его последователи изучали связь этнической идентичности с этнически смешанной брачностью [3–8]. Авторы, принадлежащие к отечественной этнологической школе, преимущественно рассматривают, каким образом самосознание * людей смешанного и несмешанного происхождения соотносится с этническими процессами, протекающими в различных регионах бывшего СССР.

В англоязычной науке традиции изучения этнической идентичности восходят к работам Э. Эриксона 1940-х–1950-х гг. [9, р. 5–29]. Впоследствии проблематика, связанная с этнической идентичностью, привлекала внимание многих исследователей, прежде всего американских. Однако вопрос о закономерностях этнической самоидентификации среди людей смешанного и несмешанного происхождения до недавнего времени выпадал из поля зрения большинства западных специалистов [10–14].

1990-е гг. в США ознаменовались появлением нескольких новаторских работ по этнической проблематике. М. Уотерс провела интервьюирование среди прихожан двух католических приходов, населенных преимущественно белыми американцами. Отличительной чертой исследовательского подхода М. Уотерс является использование прямого вопроса для определения самоидентификации респондентов вместо использования индексов, основанных на измерении нескольких разных аспектов этнической идентичности, как это принято среди большинства западных социологов. Уотерс заимствовала вопрос о происхождении респондентов от той или иной группы предков из переписей населения США. Выяснилось, что ее респонденты в основном указывали на свое немецкое, польское, итальянское и другое европейское происхождение, либо идентифицировались с несколькими европейскими группами одновременно [15].

Совместное исследование результатов американской переписи населения 1980 г., авторами которого являются С. Либерсон и М. Уотерс, подтвердило некоторые предыдущие результаты, полученные Уотерс. Авторы также сделали необычный для американских социологов смелый вывод о том, что в Соединенных Штатах происходит формирование новой этнической группы — американцев [16]! Это совпало с результатами проведенного Р. Альбой опроса на северо-востоке США, главная находка которого — обнаружение постепенного исчезновения этнических различий среди белых американцев и формирование новой этнической группы — европео-американцев (European Americans). Альба также обсуждает влияние ряда факторов на этническую идентичность белых американцев. Поколение проживания в США и смешанные браки — важнейшие из этих факторов. Альба считает, что представители каждого последующего поколения в этнической группе сохраняют меньше этноспецифических признаков, чем поколение их родителей. Сходный процесс происходит в этнических смешанных семьях: люди, рожденные в таких семьях, имеют меньше этноспецифических черт, чем люди, рожденные в несмешанных семьях [17].

*Сопоставление работ советских этнологов и англоязычных авторов, принадлежащих к бристольской школе, показывает, что русскому термину «этническое самосознание в узком смысле» соответствует английское понятие «этническая самоидентификация» (ethnic self-identification), а русскому понятию «этническое самосознание в широком смысле» — английское «этническая идентичность» (ethnic identity).

Данная работа в определенном смысле близка к подходу Уотерс и Альбы. Вместе с тем, автор сосредоточивается в основном на сравнении этнической самоидентификации у людей смешанного и несмешанного происхождения. Особенность подхода автора, по сравнению с принятым в советской и постсоветской социальной науке, — использование логолинейного анализа, одного из новых методов, разработанных западными учеными. Еще одной отличительной чертой данного проекта является то, что он изучает людей смешанного и несмешанного происхождения в контексте русского города Петербурга, социальная среда которого существенно отличается от той, что описана западными социологами благодаря их работе в Западной Европе и Америке. В результате проделанной работы автор утверждает, что длительное проживание этнических меньшинств среди русского населения Петербурга и браки между представителями меньшинств и русскими ведут к росту ассимиляции членов меньшинства с русским большинством населения. Изменение прежней этнической самоидентификации в пользу русской этнической самоидентификации является отражением этого ассимиляционного процесса,

1. Этническая структура населения Петербурга и рост этнически смешанной брачности

Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г., население Ленинграда составляло 4990749 человек. Среди них было 4448884 русских, 150982 украинца, 93600 белорусов, 106100 евреев [18]. История этнических групп Петербурга до 1917 г. описана Н. В. Юхневой [19, с. 31–32]. После революции приток представителей этих этнических групп в город усилился. Перепись 1989 г. показывает, что большинство членов трех крупнейших этнических меньшинств Ленинграда были мигрантами в первом поколении. 65,5% украинцев Ленинграда было рождено вне города, причем 51,2% от всех украинцев родилось в Украинской ССР. В белорусской группе 75,4% было рождено вне города. 60,1% от всех белорусов города родилось в Белорусской ССР. 48,4% евреев родилось в Ленинграде, 16,4% — на Украине, 15,3% — в Белоруссии и 0,6% — в Молдавии [20].

Процесс смены языка у многих членов украинской, белорусской и еврейской групп начался даже до того, как они переселились в Ленинград/Петербург. М. Н. Губогло показал, что в советский период число людей, владеющих русским языком в советских республиках, включая Украину и Белоруссию, росло [21]. Согласно данным последней Всесоюзной переписи населения в 1989 г. русский был родным языком для 60,4% украинцев, 67,6% белорусов и 94,5% евреев города [22, с. 458]. Сравнение украинцев, белорусов и евреев Ленинграда/Петербурга по степени знания языков своих этносов показывает, что евреи утратили свой язык в большей степени, чем славянские группы.* Но, как известно из работ М. Уотерс и Г. В. Старовойтовой [15, 23], каждое последующее поколение мигрантов, принадлежащим к этническим меньшинствам, имеет тенденцию знать язык своего этноса хуже, чем предыдущее поколение. Отсюда можно заключить, что первое поколение украинских и белорусских мигрантов в значительной степени сохраняет знание со-

* В 1989 г. в Петербурге украинский язык знали 63,5% украинцев, белорусский — 53,0% белорусов и еврейский — 8,2% евреев [22, с. 458].

ответствующих языков. Данное положение не относится к евреям-ашкеназам, так как они почти полностью утратили знание идиш, который был традиционным языком этой группы.

Ленинградские украинцы, белорусы и евреи также различаются по ряду других характеристик. В то время как 55,2% евреев старше 14-ти лет окончили вузы, среди украинцев и белорусов доля людей с высшим образованием составляла 24,9% и 16,3% соответственно (табл. 1). Группы различаются и по занятиям своих членов (табл. 2).

Таблица 1. Распределение населения в возрасте 15 лет и старше по образованию и национальности в Ленинграде в 1989 г.

Уровень образования	Русские	Украинцы	Белорусы	Евреи
Нет начального	77879 (2,18)	2048 (1,47)	1981 (2,26)	593 (0,60)
Начальное	273642 (7,67)	7047 (5,07)	7443 (8,49)	540 (2,57)
Неполное среднее	602297 (16,88)	15636 (11,24)	13551 (15,45)	7153 (7,24)
Среднее	939577 (26,33)	38372 (27,58)	26258 (29,94)	12735 (12,88)
Среднее специальное	816296 (22,88)	33816 (24,31)	20768 (23,68)	17736 (17,94)
Незаконч. высшее	124637 (3,49)	7545 (5,42)	3388 (3,86)	3542 (3,58)
Высшее	731528 (20,50)	34606 (24,88)	14277 (16,28)	54534 (55,16)
Не указали	2574 (0,07)	37 (0,03)	32 (0,04)	25 (0,03)
В с е г о	3568430 (100,00)	139107(100,00)	87698 (100,00)	98858 (100,00)

Примечание. Здесь и в табл. 2 в скобках приведены данные в процентах.

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Ленинграду и Ленинградской области. М., 1990. Табл. 33.

Следует обратить внимание на различную долю людей, занятых умственным трудом, среди украинцев (52,2% всех работающих), белорусов (40,2% всех работающих) и евреев (79,8% всех работающих). Таким образом, по структуре занятий и образованию в Ленинграде/Петербурге украинцы и белорусы ближе к русским, чем к евреям. Подобные особенности образовательной и профессиональной структур этнических групп могут оказывать определенное влияние на брачные предпочтения их членов [7, с. 70–73].

Брачные связи между восточно-славянскими группами существовали издавна. Согласно данным автора, собранным в архиве Ленинградского городского отдела ЗАГС, в 1955 г. только 4,15% от 1623 браков, в которые вступили украинцы, и 5,55% от 888 браков, в которые вступили белорусы, были моноэтническими. В 1985 г. ситуация оставалась примерно такой же: 4,86% от 1938 браков, в которые вступили украинцы, и 3,93% от 919 браков, в которые вступили белорусы, были моноэтническими. Это заметно отличается от брачной ситуации у русских, у которых 83,65% от 29661 браков было моноэтническими в 1955 г. и 80,00% от 37617 в 1985 г.

До 1917 г. браки между православными и иудеями в Российской империи были законодательно запрещены [24, ст. 37–38]. Религиозные традиции также запрещали такие браки. В советский период влияние религиозных норм в значительной степени ослабело, а законодательные запрещения подобных браков более не существовали. В 1955 г. 52,02% от 581 брака и в 1985 г. 26,31% от 617 браков с участием евреев, зарегистрированных в Ленинграде, были моноэтническими.

Таблица 2. Распределение крупнейших национальностей по занятиям в Ленинграде в 1989 г.

Занятия	Все население	Русские	Украинцы	Белорусы	Евреи
Преимущ. умств. трудом	1267296(46,23)	1102293(45,74)	49531 (52,18)	25499 (40,18)	46459 (79,77)
руководит. органов госуд. управл. и их структур. подразделений	1623 (0,06)	1432 (0,06)	79 (0,08)	21 (0,03)	37 (0,06)
руковод. и инструкт. парт. и обществ. организаций	7506 (0,27)	6749 (0,28)	354 (0,37)	155 (0,24)	75 (0,13)
руководит. предприятий	84212 (3,07)	70774 (2,94)	3846 (4,05)	2047 (3,22)	4585 (7,87)
инж.-техн. специалисты	509632 (18,59)	452164 (18,76)	15715 (16,56)	8776 (13,83)	19171 (32,92)
медработники	98645 (3,60)	81862 (3,40)	5206 (5,48)	2322 (3,66)	4742 (8,14)
главврачи	1545 (0,06)	1259 (0,05)	81 (0,09)	33 (0,05)	83 (0,14)
руководит. науч.-иссл. учреждений	15544 (0,57)	13107 (0,54)	640 (0,67)	274 (0,43)	1059 (1,82)
научные работники	47678 (1,74)	40868 (1,70)	1502 (1,58)	509 (0,80)	2941 (5,04)
руководит. учеб. завед.	3107 (0,11)	2652 (0,11)	142 (0,15)	62 (0,10)	110 (0,19)
работники литературы и печати	6254 (0,23)	5382 (0,22)	208 (0,22)	74 (0,12)	352 (0,60)
культ.-просвет. работники	19525 (0,71)	16759 (0,70)	647 (0,68)	238 (0,38)	1201 (2,06)
работн. искусства	22737 (0,83)	19509 (0,81)	801 (0,84)	246 (0,39)	1033 (1,77)
работн. охр. соц. собственности и обществ. порядка	15504 (0,57)	12898 (0,54)	1088 (1,15)	666 (1,05)	129 (0,22)
работники торговли и т. п.	36446 (1,33)	31720 (1,32)	1137 (1,20)	812 (1,28)	956 (1,64)
директора	7458 (0,27)	6230 (0,26)	244 (0,26)	185 (0,29)	293(0,50)
Занятые физическим трудом	1474099(53,77)	1307461(54,26)	45386 (47,82)	37962 (59,82)	11779 (20,23)
Все занятое население	2741395(100,0)	2409754(100,0)	94917 (100,0)	63461 (100,0)	58238 (100,0)

Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения по Ленинграду и Ленинградской области. М., 1989. Табл. 36в.

Обычно если не более 10–15% браков среди членов этнической группы экзогамны, это не ведет к уменьшению размеров группы. В таких случаях группа может воспроизводить себя за счет моноэтнических браков, которые перекрывают потери, вызванные самоидентификацией части детей, происходящих от смешанных браков, с другой этнической группой [7, с. 126; 25, с. 85–86; 26, р. 55]. В 1960-е – 1970-е гг. советские ученые обнаружили, что в союзных республиках в случаях браков между членами титульной этнической группы и членами других этнических групп дети обычно идентифицировали себя с титульной группой [7, с. 120–121].

Сторонники бристольской школы в психологии полагают, что «межгрупповые сравнения членов низкостатусных групп часто принимают форму внегруппового фаворитизма, отражая реальность относительно более низкой позиции такой группы» [27, р. 51]. Это положение помогает понять, почему такие люди предпочитают идентифицировать себя с большинством, имеющим больший престиж, чем этнические меньшинства. И. Крупник, опираясь на выводы западных социальных психологов, утверждает, что люди этнически смешанного происхождения выбирают для себя более престижную этническую группу [28, S. 103].

Идея Крупника об иерархии этнических статусов в зависимости от степени их престижа может помочь в объяснении различий в самоидентификации среди членов этнических меньшинств и людей смешанного происхождения. Например, до 1985 г. существовала большая вероятность, что люди украинско-русского происхождения изберут украинскую самоидентификацию, чем что люди еврейско-русского происхождения изберут еврейскую самоидентификацию в силу того, что существовала политика государственного антисемитизма, ставившая евреев в менее престижное положение по сравнению с представителями других этнических групп.

Выбор этнической самоидентификации также связан с традиционными этническими установками по отношению к детям от смешанных браков. Украинцы, которые живут на Украине, и белорусы, которые живут в Белоруссии, обычно определяют этническую принадлежность человека по этнической принадлежности его отца.* Согласно еврейским религиозным установлениям, браки между евреями и неевреями считаются недействительными. «Ребенок от такого брака считается внебрачным, и его статус зависит от происхождения его матери: если она еврейка, то и ребенок считается евреем, если нет — то и он нееврей» [29, с. 139]. В советский период, судя по сообщениям многих евреев —

* В 1982 г. на существование этой традиции обратил внимание в беседе с автором киевский этносоциолог А.В. Орлов. Проживая на Украине, автор также часто слышал от окружающих об этой традиции. Он обнаружил подобную тенденцию и по двум видам документальных источников: 1) в 1983 г. было найдено в документах одной из жилконтор в городе Винница, что в семьях, где муж был украинцем, а жена русской, 63,8% детей (88 из 138) избрали украинскую национальность и 36,2% — русскую. В семьях, где муж был русским, а жена украинкой, 66,0% респондентов (95 из 144) избрали русскую национальность, а 34,0% предпочли украинскую национальность; 2) в 1985 г. при сопоставлении материалов паспортного стола отдела внутренних дел Ленинского района г. Винница (форма № 1) с хранящимися в архиве городского отдела ЗАГС записями о национальности их родителей выяснилось, что среди респондентов, рожденных в 1958 г. (101 респондент), 1963 г. (134 респондента), 1968 г. (179 респондентов) 81,2, 79,1 и 68,7%, соответственно, избрали национальность отца

В 1982 г. в белорусском Полесье исследователи обнаружили, что «в браках, где отец был белорусом, а мать русской, 64% детей избрали белорусскую национальность, а 36% русскую. А в браках, где отец был русским, а мать белорусской, 76% детей определили себя как русские и 24% как белорусы» [30, с. 121–122].

знакомых автора, они в основном считали таких людей смешанного происхождения неевреями. И все же даже в советский период некоторые люди знали, что, согласно еврейской религиозной традиции, дети еврейских матерей считались евреями в том случае, если они не принадлежали к какой-либо иной религии.* Но не следует исключать возможности того, что славянская традиция выбора этнической самоидентификации в смешанных браках по отцу могла повлиять на советских евреев-ашкеназов.

Одним из главных различий между смешанными и этнически гомогенными браками является то, что дети, рожденные от смешанных браков, имеют больше возможностей выбирать те или иные элементы из культуры двух этносов. В то же время, компоненты культуры этнического большинства населения Ленинграда/Петербурга, включая знание русского языка, сохраняются в большей степени, чем компоненты культур этнических меньшинств. Поэтому есть основания для предположения, что в семьях смешанного происхождения, где один из родителей русский, дети будут идентифицировать себя с русской культурой и русской этничностью в большей степени, чем с культурой и этничностью этнического меньшинства.

Вместе с тем, можно ожидать, что на этническую самоидентификацию у этнических меньшинств заметное влияние оказывает поколенный статус. В Петербурге/Ленинграде украинцы и белорусы, особенно те, кто родился на Украине и в Белоруссии, знают культуры своих этносов лучше, чем евреи знают еврейскую культуру. Поэтому можно ожидать, что в украинской и белорусской группах большая доля людей идентифицирует себя с культурами своих этносов, чем в еврейской группе. Эти различия в этнокультурной самоидентификации могут также коррелировать с различиями в этнической самоидентификации.

2. Гипотезы

Выше уже отмечалось, что в основе представлений автора данной работы об этнической самоидентификации лежит бристольтский социально-психологический подход. К сожалению, бристольтская школа не дает ответа на вопрос, каким образом формируется социальная идентичность [31, с. 34]. Для целей настоящего исследования можно сформулировать вопрос о сущности этнической идентичности, являющейся одной из разновидностей социальной идентичности, следующим образом: что в этнической идентичности является первичным — этническая самоидентификация или иные компоненты этнической идентичности? Можно сформулировать две теоретические модели, объясняющие соотношение этнической самоидентификации с прочими компонентами этнической идентичности.

* Автор родился и вырос в еврейской семье в украинском городе Винница. Нашими соседями были в основном евреи и украинцы. Хотя отношения между соседями разных национальностей были очень теплыми, и они поощряли дружбу своих детей с детьми другой национальности, евреи имели негативные установки к заключению этнически смешанных браков. Они считали, что в смешанных семьях чаще случаются разводы. С целью предостеречь детей от вступления в смешанные браки им приводили примеры таких браков, окончившихся разводами. Говорили, что мужья-неевреи часто бьют своих жен. Но самым сильным аргументом против смешанных браков было то, что дети от таких браков не будут евреями, независимо от того, кто принадлежит к еврейскому народу отец или мать. Кроме того, было распространено мнение, что люди смешанного происхождения очень часто имеют более сильные антиеврейские установки, чем «чистые» украинцы или русские.

Теоретическая модель I. Этническая самоидентификация — это результирующая от осознания прочих компонентов этнической идентичности. В ходе первичной социализации человек овладевает речью, поведенческими стереотипами, знанием обычаев своего этноса. На каком-то этапе социализации эти знания и элементы поведения позволяют осмыслить себя в качестве члена определенной этнической общности.

Теоретическая модель II. Прочие компоненты этнической идентичности усваиваются под влиянием знания о своей этнической принадлежности. Такое знание (т. е. идентификация с определенным этносом) передается ребенку родственниками и другими близкими людьми.

Предпочтительность одной из этих моделей выявится в ходе исследования, благодаря проверке серии гипотез.

1. Респонденты, рожденные от однонациональных браков, относят себя к этнической группе своих родителей. Люди, рожденные от браков между членами этнических меньшинств и этнического большинства населения, имеют тенденцию относить себя к этническому большинству. Также можно предположить, что в смешанной еврейско-русской группе большая доля людей будет иметь русскую этническую самоидентификацию, чем в белорусско-русской и особенно в украинско-русской группе.

Хотя весьма вероятно, что традиционные модели этнической самоидентификации в этнически смешанных семьях подвергаются изменениям, тем не менее можно допустить, что эти модели разрушены еще не полностью, и можно ожидать выбора этнической самоидентификации по отцу в случае браков с участием украинцев и белорусов и по матери в случае браков с участием евреев.

2. Возможна позитивная корреляция между поколенным статусом респондентов и их самоидентификацией с русской этнической группой. Это означает, что каждое последующее поколение в одной и той же этнической группе, проживающей в Ленинграде/Петербурге, будет иметь большую долю людей, этнически идентифицирующих себя с русскими, чем предыдущее поколение.

3. Поскольку языковые различия между украинцами, белорусами и русскими являются наиболее заметными культурными чертами этих групп, у украинцев и белорусов существует заметная корреляция между этнической самоидентификацией и знанием украинского и белорусского языков соответственно. Наличие нескольких разговорных языков — традиционная черта еврейского этноса. Можно ожидать, что еврейская этническая самоидентификация не коррелирует со знанием языков идиш и иврит.

4. У респондентов, имеющих украинских и белорусских предков, существует заметная корреляция между этнической самоидентификацией и лингвистической самоидентификацией (т. е. родным языком). Для тех, кто имеет еврейских предков, такая корреляция маловероятна.

5. Можно предполагать, что самоидентификация с русской культурой позитивно коррелирует с русской этнической самоидентификацией.

3. Данные и методы

Всего исследованием охвачено шесть групп населения Ленинграда/Петербурга: украинская, белорусская, еврейская, украинско-русская, белорусско-русская и еврейско-русская. Респонденты отобраны с помощью двухступенчатой диспропор-

циональной выборки, стратифицированной по этнической принадлежности респондентов на основании документов паспортной службы одного из районных эксплуатационных управлений Московского района города. Небольшое количество респондентов было опрошено также в Выборгском районе. Для целей обеспечения равного представительства всех возрастных групп населения в выборке она была стратифицирована по возрасту респондентов. При отборе респондентов учитывалась не только запись об их национальности, но и в тех случаях, когда они проживали совместно с родителями, запись о национальности родителей, что помогало включать в выборку респондентов, зарегистрированных в документах как русские.

Особо следует остановиться на вопросе о возможности использования паспортной записи о национальности в качестве валидного и надежного источника информации об этническом происхождении респондентов. В литературе уже высказывались мнения, как о сомнительности этого источника [32, р. 132; 33, р. 163], так и о его пригодности для исследовательских целей [8; 34, р. 23–24]. К сожалению, объем данной статьи не позволяет более подробно рассмотреть эту методологическую проблему. Приходится ограничиться ссылками на мнение В. И. Козлова, указывающего, что в момент введения паспортной системы в СССР запись о национальности делалась на основе заявления гражданина, а не с учетом документов его родителей, как это стали практиковать позже, а также на мнение В. П. Попова, выяснившего, что сфальсифицировать паспортные данные было непростым делом даже во время Великой Отечественной войны [35, р. 191; 36]. Результаты опроса, проведенного автором, также показывают, что документальные сведения о национальности респондентов вполне пригодны для составления выборки, учитывающей этническую принадлежность респондентов.

Предварительный список респондентов включал 523 человека. Среди 210, зарегистрированных по паспорту как русские, отказались от участия в опросе 13 человек (6,2%). Среди 138, зарегистрированных как украинцы, было 6 отказов (4,4%), среди 92, зарегистрированных как белорусы, 6 отказов (6,5%). Наконец, среди 65, зарегистрированных как евреи, 8 отказов (12,3%), а среди 18 человек, зарегистрированных как представители других национальностей, был лишь 1 отказ (5,6%). Всего было опрошено 498 респондентов. 126 из них было исключено из анализа по разным причинам.

Размеры групп, включенных в статистический анализ, составили: украинская группа — 66 респондентов, украинско-русская — 69 респондентов, белорусская — 61 респондент, белорусско-русская — 62 респондента, еврейская — 51 респондент и еврейско-русская — 63 респондента. Таким образом, общее число респондентов, охваченных анализом, составило 372 человека. Опрос был проведен автором данной работы в 1991–1992 гг. с помощью метода формализованного интервью по месту жительства респондентов.

Был использован опросный лист из 27 вопросов. Он включал вопросы о демографических характеристиках респондентов, языковой и культурный блоки и вопросы о членстве респондентов и их родителей в той или иной этнической группе, а также некоторые другие вопросы. Центральным был вопрос: «К какому народу (национальности) Вы себя относите?» Респондентам была дана возможность назвать одну или несколько этнических групп, если они предпочли бы такой выбор. Кроме того, респонденты могли указать, что не идентифицируют себя ни с одной из этнических групп или просто затрудняются ответить.

Характеристики выборки. В украинской и белорусской группах, согласно данным выборки, меньше респондентов принадлежит ко второму поколению жителей города, чем к первому. Одна треть респондентов еврейского происхождения является мигрантами в первом поколении. (Расхождения между долями мигрантов разных поколений в выборке и в генеральной совокупности вызваны перекосом выборки в направлении респондентов более молодого возраста). Примерно одна треть респондентов из украинско-русской группы и одна четверть из белорусско-русской группы были рождены вне Ленинграда. Лишь небольшая доля еврейских респондентов (6,3%) рождена вне города (табл. 3).

Таблица 3. Демографические характеристики выборки

Переменные	Этническое происхождение					
	Украинское	Украинско-русское	Белорусское	Белорусско-русское	Еврейское	Еврейско-русское
Пол						
мужской	32 (48,5)	24 (34,8)	28 (45,9)	28 (45,9)	26 (51,0)	31 (49,2)
женский	34 (51,5)	45 (65,2)	33 (54,1)	33 (54,1)	25 (49,0)	32 (50,8)
Всего	66 (100,0)	69 (100,0)	61 (100,0)	61 (100,0)	51 (100,0)	63 (100,0)
Год рождения						
1948 и ранее	15 (22,7)	12 (17,4)	19 (31,1)	9 (14,5)	13 (25,5)	19 (30,2)
1949–1958	15 (22,7)	14 (20,3)	15 (24,6)	8 (12,9)	14 (27,5)	10 (15,9)
1959–1968	22 (33,3)	19 (27,5)	10 (16,4)	21 (33,9)	11 (21,6)	15 (23,8)
1969 и позже	14 (21,2)	24 (34,8)	17 (27,9)	24 (38,7)	13 (25,5)	19 (30,2)
Всего	66 (99,9)	69 (100,0)	61 (100,0)	62 (100,0)	51 (100,1)	63 (100,1)
Образование						
неполн. среднее и ниже	7 (10,6)	3 (4,3)	10 (16,4)	4 (6,5)	1 (2,0)	2 (3,2)
среднее	17 (25,8)	23 (33,3)	26 (42,6)	22 (35,5)	9 (17,6)	14 (22,2)
сред. спец. и неполн.высш.	27 (40,9)	22 (31,9)	13 (21,3)	22 (35,5)	8 (15,7)	16 (25,4)
высшее	15 (22,7)	21 (30,4)	12 (19,7)	14 (22,6)	33 (64,7)	31 (49,2)
Всего	66 (100,0)	69 (99,9)	61 (100,0)	62 (100,1)	51 (100,0)	63 (100,0)
Поколение в городе						
первое	57 (86,4)	24 (34,8)	46 (75,4)	15 (24,2)	16 (31,4)	4 (6,3)
второе	6 (9,1)	24 (34,8)	13 (21,3)	25 (40,3)	14 (27,5)	11 (17,5)
третье	3 (4,5)	20 (30,0)	2 (3,3)	22 (35,5)	21 (41,2)	48 (76,2)
нет данных	1 (1,4)					
Всего	66 (100,0)	69 (101,0)	61 (100,0)	62 (100,1)	51 (100,1)	63 (100,0)

Примечание. Колонные проценты даны в скобках. В результате округления сумма процентов может отличаться от 100.

Распределение респондентов по поколениям в украинско-русской, еврейской и еврейско-русской группах зависит от того, кого из предков респондентов мы выберем для отсчета поколений в нашей классификации поколений. Поколенный статус респондентов позволяет измерить вовлеченность респондента в образ жизни, свойственный Ленинграду/Петербургу. В данном проекте в случае, когда родители респондента принадлежат к разным поколениям мигрантов, поколение респондента определяется по той линии его предков, которая позже переселилась сюда (см.

табл. 3). При таком способе выявления поколенного статуса почти половина респондентов из еврейской группы (41,2%) принадлежит к третьему и более поздним поколениям жителей города. В еврейско-русской группе три четверти респондентов в этом случае принадлежит к третьему поколению. Независимо от способа классификации по поколениям в украинской и белорусской группах большинство из респондентов, рожденных в Ленинграде/Петербурге, принадлежат ко второму поколению. В украинско-русской и белорусско-русской группах примерно по одной трети респондентов, согласно этому методу, принадлежат к третьему поколению.

Аналитическая стратегия. В ходе статистического анализа данных в качестве *зависимой переменной* в теоретической модели I выступала этническая самоидентификация, а в теоретической модели II — поочередно лингвистическая и этнокультурная самоидентификация. *Независимые переменные* включают этническое происхождение, поколенный статус, знание языка своего этноса, лингвистическую, этнокультурную и этническую самоидентификацию (за исключением тех случаев, когда последние признаки выступают в качестве зависимых). Поскольку все переменные измеряют качественные признаки, а зависимая переменная к тому же дихотомична (она имеет категории «этник»* и «русский»), целесообразно для анализа данных использовать логистические регрессионные модели.

4. Результаты

Отношения между этнической самоидентификацией респондентов и другими переменными, описываемые теоретической моделью I, показаны в табл. 4, где представлена серия логистических регрессионных моделей.** Модели организованы в иерархическом порядке. Модель 1.1 сравнивает вероятность выбора русской этнической самоидентификации респондентами смешанного и несмешанного происхождения без контроля по другим переменным. «Славянское» и особенно смешанное происхождение существенно повышают шансы самоидентификации респондентов с русской этнической группой. Шансы избрания русской этнической самоидентификации примерно в 5 раз (экспонента $[1,641] = 5,162$) выше для людей «славянского» происхождения, чем для евреев. В этой же модели шансы избрания русской самоидентификации примерно в 71 раз (экспонента $[4,272] = 71,649$) выше для респондентов смешанного происхождения, чем для евреев. Эти результаты соответствуют нашим ожиданиям.

*В англоязычной литературе «этниками» принято называть представителей этнических меньшинств. Хотя небольшая доля респондентов в каждой из групп идентифицирует себя одновременно с «этниками» и русскими, анализ показывает, что для первой и последней статистических моделей в обеих теоретических моделях результаты не различаются в случаях, когда мы объединяем людей, относящих себя одновременно к двум этносам, с теми, кто относит себя лишь к «этникам», и когда мы исключаем эту категорию маргинальных респондентов из анализа вообще. Поэтому данная группа объединена с теми, кто относит себя лишь к «этникам».

**Предварительный логистический регрессионный анализ не обнаружил существенных различий между украинцами и белорусами в плане выбора этнической самоидентификации. Поэтому украинцы и белорусы были объединены в одну группу, условно обозначенную как «славяне». Люди украинско-русского, белорусско-русского и еврейско-русского происхождения по той же причине объединены в «смешанную» группу.

Таблица 4. Логистическая регрессия этнического происхождения и ковариатов на этническую самоидентификацию

Независимые переменные	Модель I.1	Модель I.2	Модель I.3	Модель I.4	Модель I.5
Этническое происхождение «славянское»	Контраст 1,641** (5,162)	Контраст 2,259*** (9,57)	Контраст 3,072*** (21,5)	Контраст 3,190*** (24,29)	Контраст 2,555*** (12,86)
смешанное	4,272*** (71,69)	4,340*** (76,79)	4,711*** (111,2)	4,661*** (105,9)	4,142*** (62,93)
Поколение первое		Контраст 1,126** (3,084)	Контраст 0,462 (1,588)	Контраст 0,533 (1,704)	Контраст 0,271 (1,311)
второе		1,109** (3,032)	0,447	0,458 (1,577)	0,116 (1,123)
третье и более					
Знание "этнического" языка да			Контраст 1,903*** (6,706)	Контраст 1,367*** (6,925)	Контраст 0,820 ⁺ (2,270)
нет					
Лингвистическая самоидентификация "этнический" язык русский язык				Контраст 1,749** (5,750)	Контраст 1,566* (4,788)
Этнокультурная самоидентификация "этническая" культура русская культура					Контраст 2,238*** (9,373)
Интерсепт	-2,751***	-3,615***	-4,933***	-6,176***	-6,607***
χ^2 модели	160,32	171,96	203,06	211,23	187,58
Степень свободы	2	4	5	6	7
-2 лог. вероятность	331,34	318,38	287,28	271,94	217,32

Примечание. Коэффициент логистической регрессии. Оценки соотношения шансов даны в скобках. + $p < 0,1$, * $p < 0,5$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Модель I.2 включает наряду с предыдущей переменной поколенный статус респондентов. Она показывает, что шансы идентификации себя с русским этносом в 3 раза выше (экспонента $[1,126] = 3,084$ для второго поколения и экспонента $[1,109] = 3,032$ для третьего поколения) для людей, рожденных в Ленинграде, чем для мигрантов первого поколения. Модель также показывает, что когда поколенный статус респондентов принимается во внимание, шансы избрания русской этнической самоидентификации становятся выше, чем в предыдущей модели для людей «славянского» происхождения при сравнении их с евреями

(экспонента $[2,259] = 9,570$). То же верно для респондентов смешанного происхождения, хотя рост величины коэффициента по сравнению с предыдущей моделью здесь не так заметен (экспонента $[4,340] = 76,729$). Такой рост величин коэффициентов возможен при условии, что респонденты еврейского происхождения принадлежат главным образом ко второму и третьему поколениям мигрантов.

Модель I.3 принимает во внимание «этнический» язык, наряду с переменными, рассмотренными ранее. Она обнаруживает, что при контроле по другим переменным респонденты, которые не знают «этнического» языка (т. е. языка своего этноса), имеют шансы идентифицировать себя в качестве русских почти в 7 раз (экспонента $[1,903] = 6,706$) выше, чем те, кто знает такой язык. Опять таки, в этой модели мы наблюдаем рост значения «славянского» и особенно «смешанного» происхождения для самоидентификации респондентов в качестве русских.

Вместе с тем, модель показывает, что статистическая значимость поколенного статуса теряется благодаря контролю за знанием «этнического» языка. На первый взгляд кажется, что такой результат противоречит нашей гипотезе. Тем не менее, более пристальное рассмотрение данной ситуации приводит к выводу, что о влиянии поколенного статуса самого по себе на этническую самоидентификацию говорить сложно. Для понимания связи между этими переменными необходимо выявление неких причинных механизмов. Знание «этнического» языка может быть таким механизмом, выступая в качестве промежуточной переменной. Можно полагать, что если семья, принадлежащая к этническому меньшинству, длительное время проживает в Петербурге/Ленинграде, для каждого последующего поколения ее членов шансы владения «этническим» языком понижаются. Однако если семья сохраняет язык своего этноса, это может способствовать самоидентификации ее членов соответствующей этнической группе. Модель I.4 не имеет принципиальных отличий от предыдущей за исключением того, что принимает во внимание также лингвистическую самоидентификацию респондентов.

Этническое происхождение респондентов, а также знание «этнического» языка остаются существенными предсказателями этнической самоидентификации в модели I.5, которая в качестве независимой переменной включает также этнокультурную самоидентификацию. Модель также показывает, что шансы идентификации себя этнически в качестве русских более чем в 9,4 раза (экспонента $[2,238] = 9,373$) выше для тех респондентов, которые идентифицируют себя с русской культурой, чем для людей, которые идентифицируют себя лишь со своей «этнической» культурой или с двумя культурами сразу — «этнической» и русской. Таким образом, модель I.5 дает наилучшее объяснение выбора этнической самоидентификации в данном исследовании, потому что она включает все главные переменные.*

Теоретическая модель II** показана в виде серии таблиц. Таблица 5 представляет тот вариант данной модели, где в качестве зависимой переменной выступает лингвистическая самоидентификация. Как и в предыдущем случае, серия логистических регрессионных моделей организована в иерархическом порядке. Наибольшей объясняющей силой в данном случае обладает модель II.A.5. Вариант этой же теоретической модели II.B в качестве зависимой переменной использует этно-

*Между переменными, включенными в модель I.5, статистически значимых связей при проверке эффекта взаимодействия не обнаружено.

**В целях экономии места данная модель здесь описывается менее подробно, чем теоретическая модель I.

культурную самоидентификацию (табл. 6). Здесь тоже наибольшей объяснительной силой обладает последний вариант — модель ПВ.5.*

Таблица 5. Логистическая регрессия этнического происхождения и ковариатов на лингвистическую самоидентификацию

Независимые переменные	Модель ПА.1	Модель ПА.2	Модель ПА.3	Модель ПА.4	Модель ПА.5
Этническое происхождение «славянское»	Контраст -3,580*** (0,028)	Контраст- -3,062** (0,047)	Контраст -1,422 (0,241)	Контраст -1,220 (0,295)	Контраст -1,083 (0,339)
смешанное	- 0,625 (0,535)	-0,776 (0,460)	0,282 (1,326)	0,817 (2,264)	0,370 (1,447)
Поколение первое второе		Контраст 0,756 ⁺ (2,130)	Контраст -0,762 (0,467)	Контраст -0,874 (0,417)	Контраст -0,752 (0,471)
третье и более		1,804* (6,074)	0,274 (1,315)	0,576 (1,778)	0,463 (1,589)
Знание "этнического" языка да нет			Контраст 4,780***	Контраст 4,045*** (57,097)	Контраст 9,654 (15581,460)
Этнокультурная самоидентификация "этническая" культура русская культура				Контраст 1,139* (5,750)	Контраст 0,815 ⁺ (2,259)
Этническая самоидентификация "этник" русский					Контраст 1,427* (4,167)
Интерсепт	3911***	3,227**	1,201	0,644	
χ^2 модели	87,72	95,54	154,44	128,17	135,33
Степень свободы	2	4	5	6	7
-2 лог. вероятность	235,93	227,75	168,85	132,63	116,32

Примечание. Коэффициент логистической регрессии. Оценки соотношения шансов даны в скобках ⁺ $p < 0,1$, * $p < 0,5$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

*Проверялся также эффект взаимодействия между переменными в обоих вариантах теоретической модели П (в таблицах не показан). Во всех случаях, кроме одного, этот эффект оказался статистически незначимым. Статистически значимым оказалось взаимодействие между этнической самоидентификацией и значением «этнического» языка в модели ПВ. Однако учет этого взаимодействия в данной модели не приводит к существенным изменениям ни одной из величин, представленных в модели ПВ.5, за исключением того, что соотношение шансов для знания языка понижается с 2,256 до 1,979. Поэтому было решено, что введение взаимодействия между переменными не дает существенного улучшения предсказательной силы данной статистической модели.

Таблица 6. Логистическая регрессия этнического происхождения и ковариатов на этнокультурную самоидентификацию

Независимые переменные	Модель ПВ.1	Модель ПВ.2	Модель ПВ.3	Модель ПВ.4	Модель ПВ.5
Этническ. происхождение «славянское»	Контраст -0,956** (0,384)	Контраст -0,584 (0,558)	Контраст 0,476 (1,610)	Контраст 0,686 (1,985)	Контраст -0,120 (0,887)
смешанное	0,912** (2,490)	0,750 (2,117)	1,199** (3,317)	1,137* (3,117)	-0,381* (0,683)
Поколение первое		Контраст 0,993** (2,698)	Контраст 0,363 (1,438)	Контраст 0,412 (1,509)	Контраст 0,198 (1,219)
второе		1,036** (2,818)	0,303 (1,355)	0,319 (1,376)	0,209 (1,232)
Знание "этнического" языка да			Контраст 2,048*** (7,754)	Контраст 1,710*** (5,527)	Контраст 1,365** (3,916)
нет					
Этнокультурная самоидентификация "этнический" язык русская культура				Контраст 1,031* (2,803)	Контраст 0,602 (1,826)
Этническая самоидентификация "этник" русский					Контраст 2,278*** (9,754)
Интерсепт	0,938*	0,387	-1,069*	-1,785**	-1,084 ⁺
χ^2 модели	44,48	54,02	86,94	87,65	115,66
Степень свободы	2	4	5	6	7
-2 лог. вероятность	323,38	313,16	280,24	268,78	234,27

Примечание. Коэффициент логистической регрессии. Оценки соотношения шансов даны в скобках ⁺ p < 0,1, * p < 0,5, ** p < 0,01, ***p < 0,001.

Результаты логистического регрессионного анализа и описательного анализа данных опроса помогают дать ответы на гипотезы данного исследования.

1. Исследование подтверждает гипотезу, что большинство людей, рожденных от смешанных браков, склонны идентифицировать себя с этническим большинством населения, т. е. с русскими. В то же время, 14,5% респондентов из украинско-русской группы, 6,5% из белорусско-русской группы и 4,8% из еврейско-русской группы определяют себя в качестве украинцев, белорусов и евреев, соответственно (табл. 7). Более 10,5% респондентов в украинско-русской группе, 3,2% в белорусско-русской

группе и 11,1% в еврейско-русской группе идентифицируют себя с этническими группами своих обоих родителей одновременно. Анализ процентного распределения ответов не подтверждает допущения автора, что респонденты из еврейско-русской группы чаще идентифицируют себя с русскими, чем респонденты из двух других групп смешанного происхождения. Оказалось, что в группах смешанного происхождения наиболее часто идентифицируют себя только с русскими респонденты белорусско-русского происхождения. Но различия между группами в данном случае слишком малы, чтобы быть статистически значимыми.

Таблица 7. Частота распространения главных переменных, выявленных опросом, среди изучаемых групп

Переменные	Этническое происхождение					
	Украинское	Украинско-русское	Белорусское	Белорусско-русское	Еврейское	Еврейско-русское
Знание "этнического" языка						
да	49 (74,2)	21 (30,4)	45 (73,8)	12 (19,4)	2 (3,9)	1 (1,6)
нет	17 (25,8)	48 (69,6)	16 (26,2)	50 (80,6)	49 (96,1)	62 (98,4)
В с е г о	66 (100,0)	69 (100,0)	61 (100,0)	62 (100,0)	51 (100,0)	63 (100,0)
Культурная самоидентиф. "этник"						
русский	36 (54,5)	11 (15,9)	21 (34,4)	6 (9,7)	9 (17,6)	5 (7,9)
другие и затрудн.	25 (37,9)	47 (68,1)	31 (50,8)	51 (82,3)	23 (45,1)	42 (66,7)
ответить	5 (7,6)	11 (15,9)	9 (14,8)	5 (8,1)	19 (37,3)	16 (25,4)
В с е г о	66 (100,0)	69 (99,9)	61 (100,0)	62 (100,0)	51 (100,0)	63 (100,0)
Этническая самоидентиф. "этник"						
«этнико» и русский	48 (72,7)	10 (14,5)	41 (67,2)	4 (6,5)	44 (86,3)	3 (4,8)
русский	1 (1,5)	7 (10,1)	1 (1,6)	2 (3,2)	3 (5,9)	7 (11,1)
другие и затрудн.	13 (19,7)	51 (73,9)	17 (27,9)	54 (87,1)	3 (5,9)	46 (73,0)
ответить	4 (6,1)	1 (1,4)	2 (3,3)	2 (3,2)	1 (2,0)	7 (11,1)
В с е г о	66 (100,0)	69 (99,9)	66 (100,0)	66 (100,0)	66 (100,1)	66 (100,0)

Примечание. Колонный процент дан в скобках. В результате округления сумма процентов может отличаться от 100.

Респонденты, которые идентифицировали себя одновременно в качестве «этнико» и русских при ответе на вопросы об их лингвистической и этнокультурной самоидентификации, объединены в одну группу с теми, кто идентифицировал себя только в качестве «этнико». Точно так же были объединены для логистического регрессионного анализа категории «этник» и «этник и русский» в вопросе об этнической самоидентификации.

Анализ перекрестных таблиц (в тексте статьи не показан), который включает такие переменные, как этническая самоидентификация респондента, этническое происхождение отца и принадлежность респондента к одной из шести исследуемых групп, показывает лишь очень небольшие различия между теми людьми белорусско-русского происхождения, кто имеет отцов белорусского происхождения, и членами этой группы, имеющих отцов русского происхождения: 4 респондента из этой группы имеют белорусскую этническую самоидентификацию и еще 4 иден-

тифицируют себя одновременно с русскими и белорусами. У 4-х из этих 8-ми респондентов белорусское происхождение имеют отцы, а у еще 4-х — матери. Поэтому сложно с уверенностью говорить о выборе в белорусско-русской группе этнической самоидентификации по отцу. Если опрос, проведенный по репрезентативной выборке, также не обнаружит, что респонденты в этой группе предпочитают идентифицировать себя с группой отца, это будет означать, что культурные различия между людьми белорусско-русского и русского происхождения в Ленинграде/Петербурге минимальны. Есть серьезные основания полагать, что влияние русской этнической среды и наличие одного русского родителя почти полностью подавляют элементы «белорусскости» в этнической идентичности респондента.

В еврейско-русской группе среди 3 респондентов, которые считают себя евреями, все 3 имеют отцов-евреев. Среди 7 респондентов, идентифицирующих себя одновременно с евреями и русскими, у 4 к еврейскому этносу принадлежат отцы и у 3 — матери. Среди членов этой группы, идентифицирующих себя с русскими, 26 имеют отцов-евреев и 20 — матерей-евреек. Хотя полученные числа очень невелики, они вместе со знанием о ситуации в Ленинграде/Петербурге, полученным от наблюдений и из бесед с людьми еврейского происхождения, позволяют утверждать, что религиозная традиция отслеживать еврейское происхождение человека по материнской линии более не работает.

Респонденты украинско-русского происхождения имеют тенденцию идентифицировать себя в этническом плане по линии отца несколько чаще, чем по линии матери: среди 46 из тех, у кого отцы украинцы, 17,4% идентифицируют себя лишь с украинцами и 13,0% одновременно идентифицируют себя с украинцами и русскими. Из 22 респондентов, имеющих мать-украинку, 9,1 % считают себя украинцами и 4,5% идентифицируют себя с двумя этносами. Однако эти различия между имеющими отца-украинца и мать-украинку слишком малы для того, чтобы быть статистически значимыми. Эти тенденции нуждаются в подтверждении опросом, проведенным на репрезентативной выборке.

Стоит также заметить, что еврейская этническая группа имеет наиболее стабильную этническую самоидентификацию: 86,3% респондентов из этой группы идентифицируют себя лишь в качестве евреев. 72,7% респондентов из украинской и 67,2% из белорусской групп определяют себя в качестве членов украинской и белорусской этнических групп соответственно. 19,7% респондентов из украинской группы идентифицируют себя в качестве русских. В белорусской группе 27,9% респондентов также имеют русскую самоидентификацию. Это различие между респондентами украинского и белорусского происхождения очень мало и нуждается в подтверждении с помощью опроса, в котором будет использована репрезентативная выборка. В еврейской группе лишь 5,9% респондентов избрали русскую самоидентификацию.

2. Модель I.2 логистического регрессионного анализа выявила корреляцию между поколенным статусом и этнической самоидентификацией респондентов. Анализ перекрестных таблиц (в тексте статьи не представлен) показывает, что такой корреляции не существует для еврейской группы. Не обнаружена корреляция между поколенным статусом и этнической самоидентификацией также и для людей смешанного происхождения. Большинство из них идентифицируют себя с русскими, независимо от того, к какому поколению мигрантов они относятся.

Анализ перекрестных таблиц выявил корреляцию между поколенным статусом и этнической самоидентификацией у «славянских» респондентов. В первом поколении они имеют в основном украинскую и белорусскую самоидентификацию (81 респондент относит себя к украинцам и белорусам против 18, относящих себя к русским). Распределение между «этнической» и русской самоидентификацией становится почти равным во втором поколении: 9 против 8, соответственно. В третьем поколении один респондент «славянского» происхождения идентифицирует себя с «этниками» и 4 — с русскими. Хотя ко второму и третьему поколениям принадлежит очень мало респондентов и поэтому данные не являются статистически значимыми, анализ распределения респондентов по поколениям хорошо иллюстрирует корреляцию между поколенным статусом и этнической самоидентификацией «славянских» респондентов.

3. Логистический регрессионный анализ выявил корреляцию между этнической самоидентификацией и знанием «этнического» языка при контроле по другим переменным. Интерпретируя результаты этого анализа, следует иметь в виду, что только два респондента еврейского происхождения и один респондент еврейско-русского происхождения знают идиш или иврит. Большинство людей украинско-русского и белорусско-русского происхождения также не знают украинского или белорусского языков. С другой стороны, большинство респондентов несмешанного украинского и белорусского происхождения знают язык своего этноса.

4. Подтверждается гипотеза о наличии позитивной корреляции между лингвистической и этнической самоидентификациями для респондентов, имеющих украинских и белорусских предков.

5. Согласно результатам логистического регрессионного анализа, существует сильная позитивная корреляция между этнической самоидентификацией и этнокультурной самоидентификацией: люди, идентифицирующие себя с «этнической» культурой, имеют больше шансов избрать «этническую» самоидентификацию, и наоборот. Эти результаты подтверждают гипотезу об отношениях между двумя данными переменными. В несколько обособленном положении находится еврейская группа. Здесь среди респондентов с еврейской этнической самоидентификацией больше респондентов идентифицируют себя с русской культурой (20 человек), чем с еврейской культурой или с еврейской и русской культурами вместе (9 человек). 18 человек еврейского происхождения не могут идентифицировать себя с культурой какого-либо этноса, хотя, согласно этнической самоидентификации, они евреи.

5. Обсуждение результатов и выводы

В Ленинграде/Петербурге этническое происхождение является одним из главных предсказателей этнической самоидентификации. Большинство респондентов несмешанного происхождения идентифицирует себя с этническими группами своих родителей. В то же время, в украинской и белорусской группах примерно по одной четверти их членов в каждой из групп отказались от принадлежности к этносу своих родителей в пользу русской идентификации. В еврейской группе очень мало респондентов не считают себя евреями. Большинство людей, рожденных от смешанных браков между русскими и украинцами, белорусами или евреями, идентифицируют себя с русскими этническим большинством. Эти результаты подтвер-

ждают идею Альбы о важности этнического происхождения для членства в этнической группе [17, р. 15].

В случаях смешанного происхождения этническая принадлежность отца часто является решающим фактором, влияющим на решение человека о собственной этнической самоидентификации. Но этот фактор действует главным образом по отношению к респондентам, имеющим украинских и белорусских предков, и не очень заметно влияет на имеющих еврейских предков. Но в последнем случае влияние славянской модели выбора этнической принадлежности по отцу может проявляться в отказе от выбора этнической принадлежности только по матери: в ряде случаев респонденты еврейско-русского происхождения идентифицируют себя с группой отца-еврея.

Исследование показывает, что существует позитивная корреляция между поколенным статусом респондентов и их этнической самоидентификацией. Тем не менее, разные этнические группы имеют специфические черты, связанные с такой корреляцией. В то время как сравнительно мало респондентов еврейского происхождения во всех трех поколениях имеют нееврейскую этническую самоидентификацию, для людей украинского и белорусского происхождения ситуация иная. Есть много людей украинского и белорусского происхождения, изменивших свою прежнюю этническую самоидентификацию в пользу русской, несмотря на то, что их первичная социализация происходила на их этнической родине.

Для второго поколения людей украинского и белорусского происхождения, которые почти совсем не знают языка и культуры своего этноса, этот процесс еще более заметен. Сложно говорить о третьем и последующем поколениях украинцев и белорусов в Петербурге, поскольку фактически этих поколений не существует. Высокая доля смешанных браков между русскими и другими восточно-славянскими группами предотвращает появление этих поколений, поскольку люди смешанного происхождения в основном считают себя русскими. Эти результаты подтверждают идею о специфических чертах ассимиляционного процесса у этнических групп, члены которых проживают в качестве меньшинств на территории этнически родственных групп, как это имеет место в случае русских, украинцев и белорусов [37].

Обнаружена позитивная корреляция между знанием «этнических» языков и этнической самоидентификацией респондентов как украинцев и белорусов. Эти результаты не совпадают с результатами исследований Альбы и Уотерс, которые не нашли сильной связи между знанием языков своих групп и этнической принадлежностью среди белых американцев. [15, р. 116–118; 17, р. 100]. В то же время, такая корреляция не существует для еврейской группы, в которой совсем мало респондентов знают иврит или идиш.

Наконец, выявлена сильная позитивная связь между этнической и этнокультурной самоидентификациями. Это может быть дополнительным свидетельством корреляции между этнической идентичностью и специфическими культурными чертами этнических групп. С другой стороны, такая корреляция может быть порождена влиянием этнической самоидентификации на другие компоненты этнической идентичности, которая включает также этнокультурную самоидентификацию. Данная проблема нуждается в прояснении в ходе дальнейших исследований.

Вся предыдущая дискуссия помогает объяснить, как некоторые из описанных независимых переменных могут влиять друг на друга и на зависимую перемен-

ную. В Петербурге украинские и белорусские мигранты первого поколения обычно сохраняют свои этнические особенности, включая этническую и этнокультурную самоидентификацию и знание своих «этнических» языков. Еврейские мигранты первого поколения сохраняют свою этническую и этнокультурную самоидентификацию, но язык их этноса был потерян ими еще в местах, откуда они переселились в город.

В условиях Петербурга члену этнического меньшинства нелегко найти брачного партнера, принадлежащего к его этнической группе. Поэтому доля смешанных браков велика. Это особенно относится к украинцам и белорусам, которые не имеют предубеждений против браков с русскими. Однако, как это было показано в разделе об этнической среде города, теперь и евреи имеют большую долю смешанных браков. Дети, рожденные от таких браков, не знают «этнических» языков и предпочитают идентифицировать себя с группой своего русского родителя. В то же время, люди несмешанного украинского и белорусского происхождения, рожденные в Ленинграде/Петербурге, также в большинстве случаев идентифицируют себя с русской этнической группой. Плохое знание украинского и белорусского языков может быть одним из возможных объяснений в данном случае.

Вместе с тем, люди несмешанного еврейского происхождения сохраняют свою еврейскую идентичность во втором и третьем поколениях. Частично это можно объяснить стигматизирующим эффектом антисемитизма. Но влияние других факторов на сохранение еврейской этнической самоидентификации также очень вероятно. Вышеизложенное подтверждает идею Альбы о поколенном статусе и смешанных браках как о главных механизмах ассимиляции. Однако данное исследование показывает, что в российских условиях поколенный статус действует не сам по себе, а при взаимодействии с этнически смешанной брачностью.

В заключение следует отметить, что статистический анализ подтверждает объяснительную силу как теоретической модели I, так и теоретической модели II. Для решения вопроса о предпочтительности выбора одной из этих моделей автор провел исследование с помощью качественных методов (глубинные интервью) и осуществил триангуляцию данных,* полученных в обоих исследованиях. В результате предпочтение было отдано теоретической модели II, но рассмотрению этого этапа работы будут посвящены будущие публикации автора.

* О триангуляции см.: [38].

Литература

1. Social identity theory: constructive and critical advances / Ed. D. Abrams, M. A. Hogg. New York, 1990.
2. Кушнер (Кнышев) П. И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951.
3. Бусыгин Е. П. Межнациональные семьи в национальных республиках Среднего Поволжья. М., 1973. С. 10–11.
4. Ганцкая О. А., Терентьева Л. Н. Межнациональные браки и их роль в этнических процессах // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.
5. Кузмицкайте Л. К вопросу исследования этнического сознания и самосознания у подростков // Социологические исследования в Прибалтике. Вильнюс, 1990. С. 188–190.
6. Сергеева Г. А., Смирнова Я. С. К вопросу о национальном самосознании городской молодежи (по данным паспортных столов отделений милиции городов Махачкалы, Орджоникидзе, Черкесска) // Советская этнография. 1971. N 4. С. 86–92.
7. Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М., 1987.
8. Терентьева Л. Н. Формирование этнического самосознания в национально-смешанных семьях в СССР. М., 1974.
9. Weigert A. J., Teitge J. S., Teitge D. W. Society and identity: Toward a sociological psychology. Cambridge, UK, 1986.
10. Gans H. J. Symbolic ethnicity: the future of ethnic groups and cultures in America // Ethnic and Racial Studies. 1979. Vol. 2. N 1. P. 1–20.
11. Glazer N., Moynihan D. P. Beyond the melting pot: the Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City. New York, 1963.
12. Ethnicity: theory and experience / Ed. N. Glazer, D. P. Moynihan. Cambridge, MA, 1975.
13. Gordon M. Assimilation in American life: the role of race, religion, and national origin. New York, 1964.
14. Yancey W. L., Ericksen E. P., Juliani R. N. Emergent ethnicity: a review and reformulation // American sociological review. 1976. Vol. 41. N 3. P. 391–403.
15. Waters M. C. Ethnic options: choosing identities in America. Berkeley, CA, 1990.
16. Lieberman S., Waters M. The ethnic responses of Whites: what causes their instability, simplification, and inconsistency // Social forces. 1993. Vol. 72 (2). P. 421–450.
17. Alba R. Ethnic identity: the transformation of white America. New Haven, CT, 1990.
18. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Minneapolis, MN, 1993. Т. 7. Ч. 1.
19. Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л., 1984.
20. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года по Ленинграду и Ленинградской области. М., 1989. Табл. 57: Распределение по месту рождения и национальности.
21. Guboglo M. Demography and language in the capitals of the Union Republics // J. of Soviet Nationalities. 1990–1991. Vol. 1. N 4.
22. Статистический комитет Содружества Независимых Государств: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Minneapolis, MN, 1993. Т. 7. Ч. 1.
23. Старовойтова Г. В. Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987.
24. Свод законов Российской империи. 1857. Т. 10. Ч. 1.
25. Бромлей Ю. В. Этнос и эндогамия // Советская этнография. 1969. N 6.
26. Bromley Ju. V. Theoretical ethnography. Moscow, 1984.
27. Hinkle S., Brown R. Intergroup comparisons and social identity: some links and lacunae // Social identity theory: constructive and critical advances. New York, 1990.

28. Крупник И. Вое дарфн мир тон мит дэр асимилияце одэр дрэй энтфэрс Борис Винэрн / Совэтиш Хэймланд. 1990. N 2.
29. Штайнзальц А. Контуры Талмуда. Тель-Авив, 1981.
30. Касперович Г. И. Миграция населения в города и этнические процессы: На материалах исследования городского населения БССР. Минск, 1985.
31. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: Социально-психологические проблемы. М., 1990.
32. Chlenov M. A. Jewish communities and Jewish identities in the former Soviet Union // Jewish identities in the new Europe. London; Washington, DC, 1994.
33. Plokhy S. M. Historical debates and territorial claims: Cossacks mythology in the Russian-Ukrainian border-despute // The international politics of Eurasia. Vol. 1. Armonk, NY; London, UK, 1994.
34. Altshuler M. Soviet Jewry since the second World War: population and social structure. New York: 1987.
35. Kozlov V. I. The peoples of the Soviet Union. London, UK; Bloomington, IN, 1988.
36. Попов В. П. Паспортная система в СССР (1932–1976 гг.) // Социологические исследования. 1995. N 7. С. 3–14; N 8. С. 3–13.
37. Бромлей Ю. В. Современные этносоциальные процессы у восточнославянских народов СССР // Советская этнография. 1985. N 4. С. 3–12.
38. Jick T. D. Mixing qualitative and quantitative methods: triangulation in action // Qualitative Methodology. Beverly Hills, 1983.